

К 400-летию Новокузнецка

ПРОГУЛКИ ПО СТАРОМУ КУЗНЕЦКУ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ГОРОДА

Авторский проект И.И. Казанцевой

Новокузнецк

Издательский дом «Кузнецкая книга»

2016

КУЗНЕЦКАЯ КРЕПОСТЬ

Панорама Кузнецка с полубастииона крепости. Фото начала XX века. Фотограф В.И. Михеев

Если вы хотите увидеть старый Кузнецк и окунуться в его историю, поднимайтесь на Крепостную гору, откуда открывается великолепный панорамный вид этой части города. Недаром большинство дореволюционных фотографий Кузнецка запечатлели его именно с этой возвышенности. Открывающийся с вершины вид не только, что называется, захватывает дух, но и невольно настраивает на некий философский лад, размышления о том, а как всё начиналось...

Действительно, как же всё было тогда, почти четыре века назад, когда перенесённый с левобережья Томи новый, лишь два года назад возведённый Кузнецкий острог прочно и навсегда вкопался (в том числе и в прямом смысле этого слова) в подножие большой горной гривы, у которой и названия ещё не было. Впрочем, появилось оно очень скоро – название стратегического «камня» (так тогда именовали горы; кстати, историческое наименование прилегающего к этому месту района города – Подкамень – из этой традиции) для молодого Кузнецка было вполне очевидным: здесь расположилась караульная застава.

Времена были беспокойными: Кузнецк как военный форпост возник среди «неприятельской земли», и ежегодные набеги со стороны «татар» и

«калмыков» (телеутов, кыргызов – предков хакасов, джунгар – западномонгольских племён и пр.) были обычным явлением. Каждому кузнецкому воеводе в царском наказе неизменно указывалось «жить с великим береженьем», то есть быть всегда начеку в полной боевой готовности. Караульный мыс надолго стал местом расположения казачьей заставы.

Шли годы, десятилетия, но военная напряжённость на кузнецком пограничье не только не уменьшалась, но даже нарастала. Опустошительные набеги киргизских князьков и калмыцких тайш происходят в 1682, 1700 годы, а в 1717 году от лояльных ясашных стало известно, что готовится большой поход на город калмыков, которые «во многом собрались и хвалились город Кузнецк сжечь».

По оценкам кузнечан, в походе могли принять участие очень крупные силы противника. Тогда «для осадного времени от воинских людей» кузнецкий воевода Борис Синявин (дальний предок будущего знаменитого адмирала Д.Н. Сенявина) приказал заложить на Караульном мысу силами «всех обывателей» крепость. Именно тогда на господствующей над городом возвышенности появляется первое мощное укрепление. Однако в 1717 году калмыcko-киргизский набег, к великой радости кузнечан, не состоялся. По случаю избавления «святого гра-

да Кузнецкого» от этой смертельной опасности на горе был водружён большой деревянный крест, помещённый в специально возведённую для этого часовню. Она получила наименование Вознесенской, вскоре по ней и вся гора стала именоваться так же.

Часовня на горе просуществовала до 1920-х годов. Правда, её первоначальный вид значительно менялся со временем. Так, известно, что в 1820 году «крыши и крыльцы» часовни были частично обновлены и переделаны, но в 1850-х годах от сильных бурь отремонтированную крышу снесло – теперь под воздействием влаги и сырости стали гнить верхние и нижние перильца и лестницы. Одним словом, уже к 1858 году часовня была ветхой. Чтобы спасти кузнецкую реликвию – памятный крест 1717 года, к изготовлению которого, по преданию, приложил руку сам царь Пётр (на обратной стороне креста, как уверяли, стоял автограф «ПЕТР»), в 1860 году была произведена «поправка» часовни (вновь настланы крыши и переделаны крыльца) на средства местного купца Василия Конюхова. Но частичный ремонт уже не мог спасти её от дальнейшего разрушения. В 1876 году она была «за ветхостию» закрыта, разобрана, а на её месте построена новая одноэтажная часовня, на этот раз на деньги кузнецкого купца Викентия Фамильцева. Когда в 1920-х годах храм «второго поколения» был разрушен, то крест и иконы из часовни оказались в Спасо-Преображенском

соборе. В более позднее время из этого набора сохранился только фрагмент креста (ныне находится в экспозиции краеведческого музея).

Но вернёмся к самой крепости. Известно, как богат и могуч русский язык. Иногда под одним словом скрываются совершенно разные понятия. То же самое мы имеем и в данном случае. Крепости XVII – начала XVIII веков имели мало общего с привычной нам крепостью «классической фортификации» с наличием каменных стен, башен, подъёмников и прочих характерных атрибутов. Крепостью перво-

*Вознесенская часовня.
С фотографии конца XIX века*

*Солдаты местной команды на фоне Кузнецкого полубастиона крепости.
Слева – надвратная церковь во имя св. Ильи. Фото 1910-х годов*

начально называли просто укреплённое, «крепкое» место. Например, при строительстве Кузнецкого острога полагалось «острог всякими крепостями укрепить». В 1717 году на горе была возведена деревянно-земляная крепость традиционного для того времени начертания. Известный сибирский историограф Г.Ф. Миллер, побывавший в 1734 году в нашем городе, оставил такое описание этого сооружения: «Цитадель... из насыпанных четырехугольником валов с бастионами на углах и с двумя воротами, над которыми стоят деревянные башни, имеет длину в 188 и ширину в 38 сажень. В ней, кроме часовни, не находится больше никаких зданий. А ворота как этой цитадели, так и нижнего города защищены пушками...»

К 1750-60-м годам, после сооружения Кузнецкой укрепленной линии, в Кузнецке квартируется несколько эскадронов Олонецкого драгунского полка. Но располагаются они отнюдь не на крепости, а в форштадтском предместье, где были специально возведены казармы, конюшни и ряд других зданий. А крепостные сооружения, уже ненужные, начали приходить в «совершенную ветхость». Однако в конце XVIII века они неожиданно получают вторую жизнь. Командующий Сибирским корпусом генерал-поручик Густав Штрандман, большой затейник и «прожектёр», подготовил проект модернизации некоторых участков сибирских укрепленных линий, составлявших основу пограничной системы от Каспия до Алтая, в свете новой опасности, исходившей теперь от Китая. Китайцы уничтожили монгольское Джунгарское ханство и вплотную приблизились к районам Северного Алтая, где уже действовали горные предприятия по добыче серебра и меди – эти заводы и рудники принадлежали Кабинету Его Величества, доход с них шёл не в государственную, а лично в императорскую казну. Штрандман на случай «большой войны» с Цинской империей решил организовать основательную тыловую базу, способную бесперебойно снабжать продовольствием войска. В Кузнецке, как в главной «точке» этой системы, предполагалось возведение крупных провиантских магазинов, соляных амбаров и винных подвалов. Для защиты этого стратегического «неприкосновенного запаса» 24 апреля 1798 года император Павел I издал именной указ о начале строительства «в предместьи города Кузнецка двух ретраншаментов, один на горе, где уже пред сим был старой, и второй внизу на другой стороне города». Общее руководство строительством (в

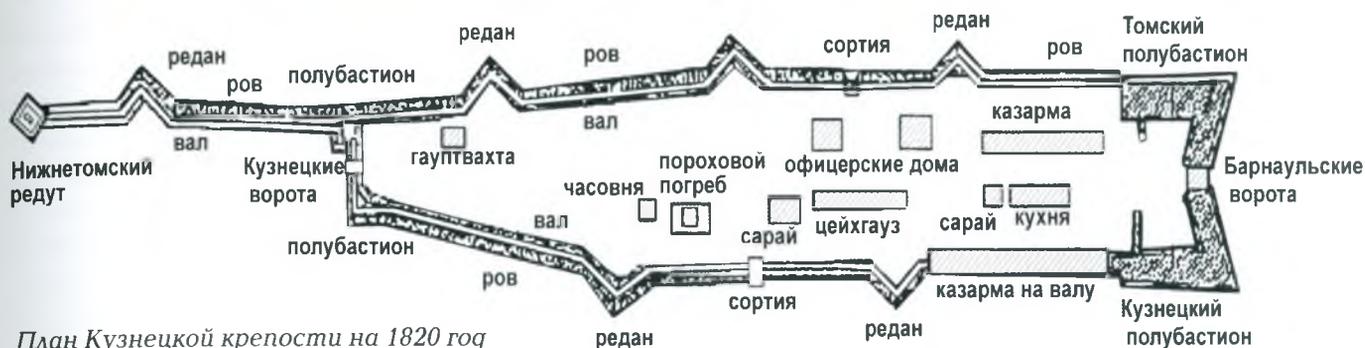
Кузнецке и на Иртышской линии) было возложено на недавно возведённого в звание генерал-майора военного инженера Ипполита Ерлыкова.

Сам термин – ретраншамент – очень показателен в плане самой идеи о строительстве укрепленных. Это некое вспомогательное оборонительное сооружение, находящееся, как правило, на второй линии обороны, зачастую изначально скрытое от противника. Иными словами, фортификационные сооружения на горе и на противоположной окраине Кузнецка (последнее получило в обиходе название «Болотная цитадель» – ныне на этом месте расположены школа №100 и часть улицы Народной) были призваны сыграть роль заградительных укреплений на случай необходимости в обороне общевойсковых продовольственных складов, расположенных в Кузнецке.

Первоначально нижний и верхний ретраншаменты планировалось возвести по традиционной на тот момент схеме дерево-земляных бастионов. По ней было начато строительство Болотной цитадели. Однако проект верхнего ретраншамента усилиями инженер-генерала Князева был основательно переработан в соответствии с влиянием, пожалуй, самой передовой на тот момент полигонно-капонирской системы француза Монталамбера.

По новому проекту по основному периметру Кузнецкой крепости, имеющей форму вытянутого прямоугольника, укрепления должны были состоять из земляного вала с реданами (остроугольные выступы для установки орудий и организации фланкирующего огня), к которым с внутренней площадки насыпаны аппарели для вкатывания орудий. На валах следовало устроить бруствера для ведения ружейного огня, а перед валами выкопать ров. На оконечности мыса Вознесенской горы запроектировали дополнительный квадратный земляной редут, связанный с крепостью длинным валом с реданом. На углах крепости устроены полубастионы (выступы для обстрела впереди и вдоль крепостных укреплений), которые облицовывались глыбами песчаника (бутовым камнем), что никогда до этого в Сибири не встречалось (для обкладки использовался обработанный почвенный дёрн). В промежутке между ними была сооружена кирпичная трехэтажная проездная подзорная башня.

Таким образом, Кузнецкая крепость из рядового защитного сооружения, каковым она мыслилась в самом начале, превращалась в уникальный фортификационный объект, венчающий целый этап в

План Кузнецкой крепости на 1820 год

развитии крепостного искусства на юге Сибири и являющийся единственным в своем роде за Уралом.

В 1800 году начинаются работы на Вознесенской горе, и к 1806 году почти полностью формируется система оборонительных рвов и валов. Руководил строительством инженер-поручик Степан Алексеевич Булыгин (в будущем, учитывая его заслуги, в том числе и в сооружении Кузнецкой крепости, его в звании генерал-майора назначают начальником Сибирского военно-инженерного округа).

Ещё в Указе Павла I было сказано, что следует «употреблять к построениям в работу ссылочных колодников», а потому на стройке активно использовался труд арестантов, которые даже сумели внести прогрессивные методы труда в эту грандиозную стройку: они впервые в истории Кузнецка открыли распиловку леса (до этого лес на тес и плахи только кололи). Интересно, что часть «сидельцев» после строительства осталась на поселении в Кузнецке и даже была приписана к местному мещанскому обществу. Кроме ссылных к сооружению крепости привлекались и вольнонаёмные люди.

В течение последующих нескольких лет внутри крепости на площади в 2,5 га было выстроено более десятка зданий. Большинство из них были каменными, что для Кузнецка того времени было ещё совсем не характерно (в самом городе на тот момент таковых было только четыре строения: казначейство, уездное училище, собор (ещё только строился) и Одигитриевская церковь). Итак, на крепости возвели штаб-офицерский и обер-офицерский дома, солдатскую казарму и кухню, цейхгауз (здесь хранились артиллерийские орудия и материальная часть), гауптвахту, пороховой погреб, обер-офицерский дом с солдатской казармой в одной связи на валу, покой для хранения огнегасительных машин и ряд вспомогательных сооружений (в том числе проходы в валу – сортии). К 1820 году строительство крепости было полностью завершено. За

Нагвратная церковь во имя св. Ильи.
Фото 1920-х годов

Сортия крепости

Молебен в
Кузнецком
тюремном замке.
Фото 1913 года

несколько лет до этого на крепости разместили воинские подразделения – часть Бийского гарнизонного батальона и Кузнецкую инвалидную команду. Летописец Кузнецка И.С. Конюхов свидетельствует, что строительство крепости обошлось казне в полмиллиона рублей (правда, ассигнациями, которые тогда по курсу шли примерно 1:3 по отношению к серебряному рублю, но и это колоссальные деньги).

Парадокс истории состоит в том, что столь замечательное и дорогостоящее сооружение, каким являлась Кузнецкая крепость (вкуче с Болотной цитаделью), ко времени окончания строительства в военном плане оказалось не нужно. Внешнеполитическая ситуация к тому моменту настолько изменилась, что опасность крупномасштабных внешнеполитических конфликтов, где могла понадобиться боевая мощь крепости, стремительно приближалась к нулю. В этих условиях военное ведомство уже к середине 1820-х годов поднимает вопрос о выведении крепости в Кузнецке «за штат» и, соответственно, выводе отсюда воинских подразделений. К 1828 году все строения на крепости оказываются «порожними».

В феврале следующего года Кузнецк посетил томский губернатор Фролов. Высокий чиновник внимательно осмотрел город и крепость и вышел с предложением к генерал-губернатору Западной Сибири заключённых городского острога (тюрьмы), которые содержались в абсолютно ветхом и не приспособленном для этого здании, перевести в бывшую солдатскую казарму на территории упразднённой крепости с тем, чтобы переоборудовать её

под нужды тюрьмы. «Его высокопревосходительство» почти сразу одобрил эту инициативу губернатора, и уже 14 февраля 1829 года по составленной кузнецким городничим смете на перепланировку казармы под нужды тюрьмы губернское правление выделило необходимую сумму в 772 рубля. В результате проведённых работ под руководством городничего Косоротова казарма приобрела следующий вид: «имеет двойные нары, внутренняя величина её 7 сажень и половина аршина и поперёк 4 сажени и 3 четверти аршина, высота 5 с четвертью аршин». Между мужским и женским отделениями была возведена дощатая стена, впоследствии заменённая бревенчатой. К середине года подсудимые арестанты гражданского ведомства были переведены в здание бывшей казармы. Начался новый этап в истории Кузнецкой крепости, когда её отдельные здания и строения стали использоваться по той или иной «надобности». Так, вскоре в здании обер-офицерского дома разместился военный лазарет, а в штаб-офицерском доме поселился лекарь. Остальные же здания, за исключением порохового погреба, пустовали и неумолимо приходили в упадок.

К июню 1854 года строения Кузнецкой крепости окончательно сняли с баланса Военного министерства и передали горному начальству (в то время Кузнецк входил в состав Алтайского горного округа). Впрочем, пословица «бери, Боже, что нам негоже» для этого случая подходит как нельзя кстати. После недолгой бюрократической переписки в марте 1856 года все здания крепости по распоряжению главного управляющего Кабинетом Его Императорского

Величества и генерал-губернатора Западной Сибири были переданы из горного в гражданское ведомство с уплатой Кабинету из губернской казны экстраординарной суммы... 435 рублей серебром. «Гора родила мышь», – иначе и не скажешь, если сравнить полумиллион затраченных рублей на строительство крепости с вырученными за неё «копейками».

Впрочем, и эти небольшие потраченные на приобретение сооружений деньги гражданское ведомство планировало вернуть. В канун нового 1862 года генерал-губернатор издал распоряжение, по которому все, уже крайне ветхие, здания упразднённой крепости (за исключением острога, военного лазарета с квартирой лекаря и порохового погреба) подлежали продаже с публичных торгов. Покупатель на это «добро» нашёлся не сразу. Только в 1869 году их приобрёл за 653 рубля серебром кузнецкий купец Илья Иванович Ивановский. Уже на следующий год новый хозяин приступил к разбору кирпичных строений на слом и дальнейшую продажу...

Между тем казна по-прежнему тратила немалые средства на содержание и ремонт тюрьмы и лазарета (которым пользовалось и всё гражданское население города, а потому и «поправки» за счёт местного бюджета). Так, на 1867-1868 годы было ассигновано более 9 с половиной тысяч рублей.

В 1870 году острог после капитальной «переправки» (к проекту были привлечены губернские архитекторы) получил обновлённый вид (вокруг него возвели высокий бревенчатый частокол, выстроили новую караульную) и громкое название: «Кузнецкий тюремный замок». Он выполнял роль пересыльной тюрьмы и следственного изолятора – арестанты отсюда отправлялись в Барнаул, где размещался уголовный окружный суд. Содержалось в «замке» порядка 100-150 заключённых ежегодно. Интересно, что в 1867-1871 годах в тюрьме под следствием находился будущий очень известный старообрядческий лидер – архиепископ Савватий, арестованный за пропаганду старой веры. Не сумев доказать вину, власти отправили его по месту жительства в Тулу.

В 1819 году в России было основано Благотворительное попечительное о тюрьмах общество, которое следило за содержанием арестантов, попечением об освобожденных, о детях заключенных и прочем. В 1852 году его отделение появилось и в Кузнецке. В его ведении находились тюрьма и военный лазарет, рассчитанный на 10 коек.

При активном участии Попечительного комитета в 1872 году началась перестройка Барнаульской

Жетон (справа) и металлические накладки на форменную одежду служащего Кузнецкого тюремного замка

башни (пожертвованной И. Ивановским) под надвратную церковь для нужд заключённых. Арестанты разобрали башню до сводов и на стенах ее построили храм. Освящен он 21 июня 1876 года во имя св. Ильи Пророка. Обустройством церкви занимался томский купец первой гильдии Яков Петров, потративший на эти цели до 15000 рублей.

Смотритель Кузнецкого тюремного замка (с 1914 года – просто Кузнецкой уездной тюрьмы) играл заметную роль в местном чиновничьем бомонде. Как правило, это был офицер в звании капитана либо штатский в чине коллежского советника. Помимо него в штате тюрьмы числились (к примеру, на 1906 год) 1 старший надзиратель и 6 младших (с годовым окладом каждому в 96 рублей). Они несли службу на внутренних постах, четыре наружных поста занимали чины местной воинской команды. В трагические декабрьские дни 1919 года в стенах тюрьмы нашли свою гибель многие известные кузнецчане. Среди них генерал-лейтенант Павел Николаевич Путилов и подполковник Мечислав-Иван Феликсович Бедло-Зволинский. Тогда же партизанами Г. Рогова тюрьма была подожжена и выгорела полностью, к этому времени прекратили свою деятельность военный лазарет и пороховой погреб.

С этого времени строения Кузнецкой крепости оказались полностью бесхозными. Они приходили в окончательное запустение и разрушение. Однако именно тогда начался новый этап в её развитии, который условно можно назвать «борьбой за сохранение Кузнецкой крепости», чему будет посвящена отдельная история.

ИЗ ИСТОРИИ КУЗНЕЦКИХ ПУШЕК

Разговор о Кузнецкой крепости будет неполным, если мы не коснёмся истории её пушек. И хотя крепость как военный объект никогда не использовалась, известно, что иногда из крепостных пушек «производилась временная пальба». Впрочем, если б из их жерл никогда и не вылетали ядра, история, а точнее загадка кузнецких пушек, их удивительная судьба была бы от этого не менее интересна и познавательна. Итак, начнём.

Первый учет пушек Кузнецкой крепости был проведен 1 января 1819 года, когда строительство крепости подходило уже к концу. Ее артиллерийский арсенал состоял из 22 орудий, хотя по штату положено было почти в 2 раза больше.

После упразднения Кузнецкой крепости как военного объекта в конце 1820-х годов основную часть артиллерии из неё вывезли, и к 1862 году в крепости на вооружении оставалось шесть 12-фунтовых крепостных орудий без лафетов. Имеются документальные сведения, что на вооружении Кузнецкой крепости в последние годы царского режима (до 1917 года) было 6 двенадцатифунтовых пушек, а пушки других калибров, снятые с вооружения, находились на территории крепости и использовались, например, как флагштоки: их вбивали напротив углов стен, чтобы «повозья не сносили углы». Давайте проследим историю каждой из этой «шестёрки». Заметим, что художник И.И. Тютиков в 1922 году изобразил уже только пять пушек на бастионах Кузнецкой крепости.

Боевой ценности они уже давно практически никакой не представляли – весь мир ещё в середине XIX века начал переходить на нарезное оружие. Однако не будем торопиться с выводами.

В центре села Тогул находится пушка с закрепленной на ней табличкой с надписью: «Пушка изготовлена в г. Екатеринбурге на Уральском заводе. Вес её 1920 кг. В 1811 году пушка была доставлена в Кузнецк. 12 декабря 1919 года пушку привезли в Тогул для борьбы с колчаковцами, засевшими в церкви, которая была размещена на этом месте. Стрелять из пушки не пришлось. Белогвардейцы сдались». Эта надпись не случайна. Дело в том, что на исходе Гражданской войны в Кузбассе, когда белые гарнизоны держались из последних сил, один из них, в селе Тогул, закрепился в местной большой каменной церкви, поставив на её колокольне пулемёт. В

Солдаты местной команды позируют для постановочного кадра на фоне Кузнецкого полубастиона. Фото 1900-х годов

осаде тогульского гарнизона участвовали и части партизан, подчинявшиеся известному партизанскому командиру Г. Рогову. По его распоряжению из Кузнецка по декабрьскому снегу в импровизированном кузове, в который впрягли четвёрку лошадей, с большими трудностями, но была доставлена в Тогул 12-фунтовая пушка. Правда, стрелять ей действительно не пришлось. Достаточно было продемонстрировать «ствол» на виду у осаждённых. Появление в стане партизан крупнокалиберной артиллерии произвело на белогвардейцев нужный эффект – вскоре они выбросили белый флаг.

Впрочем, произвести выстрел из этой пушки было в принципе невозможно: после снятия пушек с вооружения у них заклёпывались запальные отверстия, чтобы у кого-то не возникло желания «пострелять». Пушки были переведены в разряд «порченных» (термин того времени). В том, что они были действительно заклёпаны, можно убедиться, если внимательно осмотреть стволы сохранившихся пушек у Новокузнецкого краеведческого музея. Высверлить в то время кустарным методом «гвоздь», которым было заклёпано запальное отверстие, в полевых условиях не представлялось возможным. Да и смысла в этом выстреле в Тогуле не было никакого. Стрельба ядрами в 1919 году вряд ли являлась осуществимой из-за их отсутствия. Также не было и нужного пороха. Данная пушка могла стрелять и картечью, но не более чем на пятьсот метров. Дальность выстрела нарезного оружия в то время была от тысячи до полутора тысяч метров. Следовательно

но, выдвинуть пушку на боевую позицию не позволили бы противники, перестреляв прислугу орудия.

Итак, одна пушка находится в селе Тогул.

Далее. На некоторых дореволюционных фотографиях города видно, что часть пушек на Кузнецкой крепости лежит уже без колёс, а на остальные колёса надеты цапфы (родные деревянные лафеты, обитые железом, к этому времени уже разрушились). В конце 1920-х годов патриот родного края Георгий Блынский решил организовать краеведческий музей в своем доме (начало улицы Достоевского). Перед ним на специальных постаментах, выложенных из природного дикого камня, по обеим сторонам от центрального входа были водружены две крепостные двенадцатифунтовки (без колёс), которые Г.С. Блынский, обладавший огромной физической силой, сумел приволочь с крепости. Так два орудия с Кузнецкой крепости оказались в коллекции музея, но ненадолго. С переездами музея из одного здания в другое у него на балансе осталась лишь одна пушка. Другая музейная пушка и три оставшиеся на крепости в годы Великой Отечественной войны оказались на скраповом дворе КМК и лишь благодаря бдительности какого-то мастера не угодили на переплавку. Возможно, и здесь сработал лозунг «Все для фронта, все для победы!», когда в мартеновские печи по всей стране отправлялись многие исторические памятники и кузнецкая пушка могла в новом облике сделать выстрел по врагам. После войны, когда музей обосновался в доме на Металлургов, 25, пушки были ему возвращены. Доказательства? Пожалуйста. На фото 1954 года перед музеем лежат 4 двенадцатифунтовые пушки; пятая же – более мелкого калибра: откуда она появилась – пока неизвестно).

Итак, с послевоенного времени четыре двенадцатифунтовки обрели своё пристанище у стен краеведческого музея. С тогульской – пять. Где же шестая?

По рассказам старожилов, некая 12-фунтовая пушка «кочевала» по разным местам Кузнецкого района: то её видели во дворе одной из школ на Советской площади, то она промелькнула на улице Пятилетки... Подробности неизвестны, но в итоге и она попала в музей.

На снимке – теперь уже конца 1950-х годов, когда музей переехал в своё современное здание на Пионерском, 24, видно, что все эти пять пушек стоят на колёсах. Правда, эти колёса «неродные», гораздо крупнее оригинальных и сделаны специально для установки стволов без лафетов прямо на оси. Ори-

Бывшие алтайские партизаны у легендарной кузнецкой пушки на центральной площади села Тогул. Фото 1950-х годов.

Двенадцатифунтовые пушки с Кузнецкой крепости на постаментах перед центральным входом музея по улице Достоевского. Фото 1927 года

Пять пушек перед главным фасадом музея на проспекте Металлургов, 25. Фото 1954 года

Шесть пушек у центрального входа краеведческого музея на улице Школьной (ныне – проспект Пионерский), 24. Фото конца 1950-х гг.

гинальные колёса (одна пара) есть в фондах краеведческого музея. Итак, у музея оказалось пять двенадцатифунтовых пушек и одна чуть меньшего калибра. Вот эту последнюю и одну из 12-фунтовок и передали в Кемерово. Самый ранний акт о передаче пушек во временное пользование Кемеровского областного краеведческого музея помещен 1964 годом, и акт этот ежегодно продляется.

В середине 1960-х годов в ходе благоустройства (есть сведения, что пушки на колёсах зачастую местные «шутники» укатывали далеко от музея и в конце концов работникам учреждения надоело за ними «бегать») перед центральным входом в музей установили два постаменты из кирпича, обложив их диким камнем. На них установили 12-фунтовые пушки, а новодельные колёса, судя по всему, выбросили (в музее числятся только «родные»). Возможно, эта установка постаментов и произошла в 1964 году, и было «удобно» оставить на каждом постаменте по паре одинаковых пушек, а пятую, нечётную и более мелкую, отправить коллегам в Кемерово (как версия). Интересно, что в Кемеровском областном краеведческом музее колёса на кузнецких пушках тоже «неродные», возможно, что те же, на которых стояли пушки и перед нашим музеем в конце 1950-х годов. По сведениям, занесенным в научный паспорт Кемеровского музея, пушки находились в Кузнецкой крепости до 1941 года, затем были переданы в Новокузнецкий краеведческий музей, который позднее, судя по паспорту от 21 января 1964 года, отправил их в Кеме-

ровский музей на временное хранение. Однако ничего более постоянного, чем что-то «временное». С тех пор уже более полувека пушки ежегодно продляют свой «временный» срок.

Что же касается пушки, которая находится в Новосибирске (дата изготовления – 1815 год), то она тоже из Кузнецка. Не из острога, конечно, как написано в музейной легенде, а с крепости. Дело в том, что в то время, то есть после 1815 года, новые артиллерийские стволы завозить на юг Западной Сибири, кроме как в Кузнецк, не было смысла. Только у нас возводилась тогда новая каменная крепость, и на её вооружение наряду с крупными 12-фунтовками присылались пушки и более мелкого калибра. Так что версия о кузнецком происхождении этого экспоната вполне логична.

На клейме указано, что пушку лили на Каменском заводе (сейчас город Каменск-Уральский). Там же отливали и 12-фунтовки, что стоят перед музеем. А затем стволы на баржах сплавляли на Нижне-Исетский железодельный завод (это уже территория современного Екатеринбурга). На этом заводе пушки доводили до кондиции, то есть проводили токарную обточку стволов, высверливание канала ствола и запального отверстия, центровку ствола и т.д., а также окончательную приёмку в казну. Такая двухступенчатая система – Каменский завод – Нижне-Исетский завод – в это время существовала весьма продуктивно. Но, пожалуй, самым убедительным аргументом кузнецкого происхождения новосибирской пушки является документ от 16 мая

Пушка (ниже на фрагменте — клеймо с местом и датой литья) с Кузнецкой крепости в экспозиции Новосибирского областного краеведческого музея

Одна из двух кузнецких пушек у здания Кемеровского областного краеведческого музея

1941 года, когда отдел образования Новосибирского горисполкома обратился в Сталинский горороно со следующей просьбой: «В Вашем городе имеется несколько снятых с Кузнецкой крепости пушек, находящихся в данное время без соответствующего использования во дворах райсоветов и школ города. Данные пушки, как экспонаты для музеев нашей области (Сталинск в то время входил в состав Новосибирской области), представляют историческую ценность и поэтому нуждаются в соответствующем хранении и использовании для показа их трудящимся. Исходя из этого Облоно просит Вас выделить одну из неиспользуемых пушек во временное пользование Новосибирскому областному музею для выставления её в экспозиции для обозрения трудящихся города». Сталинский горороно пошёл навстречу коллегам из областного центра и пушку «выделил».

Вернётся ли она когда-нибудь в родные пенаты? Будем оптимистами...

БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНИЕ КУЗНЕЦКОЙ КРЕПОСТИ КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА (ДО НАЧАЛА 1990-Х ГГ.)

Историю Кузнецкой крепости можно разделить на три этапа, отличающихся между собой как хронологическими рамками, так и качественным содержанием.

Первый период подразумевает существование крепости как военного объекта и продолжается от начала её строительства в 1800 году до перевода крепости в разряд заштатных и окончательного снятия её с баланса военного ведомства (1846 год).

Хронологические рамки второго этапа частично накладываются на первый период, поскольку началом хозяйственного (невоенного) применения крепостных строений можно считать 1829 год, когда было принято решение использовать (после перефилирования) бывшую каменную солдатскую казарму в качестве острога для содержания тюремных арестантов. Нижняя граница этого периода – 1919 год, когда поджог и уничтожение крепостной тюрьмы полностью выводят крепость из разряда непосредственных хозяйственных объектов, что, впрочем, не отменяло потенциальной возможности для использования её в будущем в качестве таковой.

Наконец, третий этап – понимание крепости как исторического памятника города и Кузнецкого края, как символа старого Кузнецка (впоследствии и всего Новокузнецка), продолжающийся в настоящее время, – сформировался не сразу. Для этого нужно было взаимодействие как минимум двух факторов. Во-первых, необходима определённая временная отдалённость эпохи строительства крепости от эпохи проживания поколения кузнецчан, следующего за очевидцами её непосредственного воздвижения, то есть перевод крепости в разряд легендарных объектов, подробности возникновения которых покрыты «сединой веков». Так, если И.С. Конюхов, бывший свидетелем строительства крепости, ещё в 1870-е годы в своей «Кузнецкой летописи» вполне точно передаёт связанные с этим события, то уже в 1890-е годы формируется представление о каменной Кузнецкой крепости как о фортификационном сооружении XVIII века вплоть до мнения о возведении его в петровскую эпоху. Во-вторых, нужен определённый уровень образования (и – шире – мировоззренческого кругозора) для того, чтобы привычный для каждого кузнецчанина объект, используемый в качестве тюрьмы, начать воспринимать как исторический памятник.

Человеку со стороны много проще преодолеть «барьер повседневности» и выйти на уровень вневременного исторического обобщения. Поэтому неслучайно, что первым, судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, кто обратил внимание на необходимость охраны крепости как памятника, стал томский учёный, известный сибирский археолог С.К. Кузнецов, работавший в 1890-е годы библиотекарем Томского университета. В фондах Новокузнецкого краеведческого музея отложилась копия подборка материалов Императорской археологической комиссии, связанных с «поручением господину Кузнецову продолжения раскопок по берегам реки Яи». В одном из этих документов, а именно в письме С.К. Кузнецова комиссии от 26 ноября 1894 года исследователь, ссылаясь на помещённую в газете «Сибирский вестник» (№113 за 1894 год) статью «Город Кузнецк Томской губернии и его древности», с тревогой пишет, что «уцелевшие стены её (Кузнецкой крепости) и башни назначены к ломке, а первоначальный земляной редут отчасти застроен». Далее автор письма указывает, что, поскольку Кузнецкая крепость – единственная в Сибири (после Тобольского кремля), построенная из камня, она, безусловно, заслуживает сохранения.

На письмо С.К. Кузнецова последовала незамедлительная реакция со стороны Археологической комиссии. 7 декабря её председатель граф А. Бобринский, озабоченный тем, что «старинная крепостная стена г. Кузнецка постепенно разбирается местными обывателями и подвергается опасности уничтожения», обратился с просьбой к томскому губернатору «принять строгие меры против дальнейшего их уничтожения».

Обеспокоенность А. Бобринского и всего археологического сообщества судьбой Кузнецкой крепости не осталась без внимания. Уже 10 марта 1895 года в Императорскую археологическую комиссию пришёл ответ томского губернатора: «Имею честь сообщить, что старинная крепостная стена г. Кузнецка в настоящее время стоит очень прочно и местными жителями не разбирается, при этом считаю долгом присовокупить, что разборка этой стены частными лицами, с целью воспользоваться камнем, и не может иметь места, так как она настолько затвердела, что легче добыть камень из скалы, чем из этой стены. Имеющиеся же в Археологической комиссии

Остатки Кузнецкой крепости с высоты птичьего полета. Фото 1980-х годов

сведения о разборке этого старинного памятника относятся, по всей вероятности, к обстоятельству, имевшему место, по собранным мною сведениям, лет 15 или 20 тому назад, когда все находившиеся в ограде этой стены казённые постройки, в том числе и остатки старинной Кузнецкой крепости, были проданы Правительством с аукционного торга, и лица, их купившие, действительно разобрали эти постройки и продали камень».

Несмотря на столь авторитетное заявление высокого чиновника, трудно поверить в то, что разборка крепостных стен на частные хознужды, столь активно практикуемая в дальнейшем (вплоть до послевоенного времени), не применялась и в более раннее время, в том числе и в 1890-е годы. Разумеется, пока бывшая казарма на крепости использовалась в качестве тюрьмы, определённым сдерживающим фактором в расхищении камня с крепостных стен выступали наружные посты тюремного острога (их было четыре), на которых несли караульную службу солдаты Кузнецкой местной команды. Впрочем, им в обязанность не вменялось оберегать крепостные стены от разрушения. В любом случае следует признать, что томский губернатор вольно или невольно дезинформировал российский учёный мир о состоянии Кузнецкой крепости и на долгие годы закрыл тему о необходимости её охраны.

Особенно остро вопрос о сохранении крепости как исторического памятника обозначился в 1920-е годы, когда после разгрома тюрьмы и превращения

её в груды камней бывший фортификационный объект перешёл в разряд полностью бесхозных. Это в полной мере относится и к располагавшейся на месте некогда подозрительной башни надвратной Ильинской церкви. Как и остальные храмы города, она в ходе «роговского нашествия» подверглась поджогу, после которого эта церковь как культовый объект уже не использовалась. Можно предположить, что одно время местная православная община пыталась отремонтировать Ильинскую церковь. Так, новосибирский журналист А. Кручина, посетивший Кузнецк летом 1923 года, отметил, что купол этой церкви недавно было выкрашен в зелёный цвет. Однако собственно к крепости как памятнику истории, к его охране и тем более реставрации это абсолютно не имеет отношения. Как с горечью констатировал тот же А. Кручина, «охраной памятников старины здесь (в Кузнецке) вообще не интересуются».

Не менее характерна и другая зарисовка тех времён, принадлежащая перу предгубмузея З. Гайсина, посетившего с целью ознакомления с состоянием музейного дела и охраны памятников ряд городов Томской губернии, в том числе и Кузнецк, 2 августа 1923 года (фактически одновременно с А. Кручиной): «От Кузнецкой крепости, имеющей громадное историческое значение, сохранились по внешнему виду лишь стены главного фасада крепости с церковью над крепостными воротами и пятью пушками... Камни со стен крепости до последнего времени разбирались снаружи, местами даже снаружи мест-

ными обывателями. По частным сведениям, в этом принимал участие даже и укомхоз (руководитель уездного коммунального хозяйства)».

Такое ненормальное положение вещей не могло продолжаться бесконечно. В середине 1920-х годов в городе формируется определённое краеведческое движение, получившее организационное оформление в феврале 1929 года, вскоре после открытия Кузнецкого краеведческого музея. Учредителями общества выступали известные горожане: основатель музея Г.С. Блынский, заведующий музеем Н.П. Кайдалов, учитель П.Г. Зенков, врач Р.М. Борисенко и др. (всего 11 человек). Одно из направлений деятельности общественной организации – «обследование памятников архитектурной и художественной старины края». Кузнецкая крепость одной из первых попадала в этот разряд.

Наиболее целю и последовательно идею музефикации Кузнецкой крепости в эти годы проводит директор краеведческого музея в 1933-34 годы Н.Н. Балашов, предложивший восстановить на крепости ряд некогда существовавших там зданий и организовать в них однодневный дом отдыха для трудящихся, а саму территорию использовать в качестве парка-мемориала (предполагались разбивка ботанического сада, устройство большого пруда при ручье Водопадном и другие интересные проекты).

В некоторой степени усилия Балашова оказались не напрасны. 5 апреля 1936 года президиум Сталинского горсовета своим постановлением признал Кузнецкую крепость памятником старины. Надзор за её сохранностью был поручен Старокузнецкому райсовету. Но на практике мало что изменилось. О том, что в это время крепость была предоставлена сама себе, красноречиво говорит следующий факт из хроники происшествий: «24 сентября 1935 года в половине восьмого вечера начался пожар в крепостной церкви всех имевшихся там деревянных частей, т.е. деревянные балочные перекрытия под куполом, надстройки и купол. Как позднее было выяснено, пожар был произведён ютившейся там группой беспризорников». (Именно после этого события крепость приобретает свой «классический» вид с полуразрушенным вторым этажом бывшей церкви.)

Дело усугублялось ещё тем, что в это время (1937-39 годы) краеведческий музей – важный рупор всех активистов краеведческого движения в деле оповещения населения о состоянии вопроса с Кузнецкой крепостью путём публикации заметок в городской газете «Большевицкая сталь», органи-

зации и проведения экскурсий на крепость и др. – оказался на «консервации» (фактически закрыт).

Летом 1939 года директор музея А.П. Дубок был вынужден признать, что «варварское разрушение крепости продолжается». Краевед с возмущением писал, что «дельцы из Кузнецкого водочного завода открыли около крепости каменный карьер и беспощадно уродуют её предместье».

И всё же усилия краеведов не пропали даром. В руководящих кругах города всё больше и больше начинают склоняться к тому, что необходимо принимать действенные меры против искусственного (наиболее подходящий здесь термин – варварского) разрушения памятника. Впрочем, практическую реализацию этих мер мы начинаем видеть, как это ни покажется парадоксальным, только в годы Великой Отечественной войны. Определённую роль здесь сыграло и то, что в 1942 году, в преддверии широко, с патриотическим размахом отмечавшегося 325-летнего юбилея старого Кузнецка, специальным решением Новосибирского облисполкома (Новокузнецк до января 1943 года входил в состав этой области) Кузнецкой крепости был придан статус охраняемого исторического памятника областного значения. Однако даже в такой обстановке поведение городских властей в отношении крепости поначалу отличалось колебанием и непоследовательностью. С одной стороны, горисполком ограничивает и даже запрещает использовать территорию крепости в узковедомственных интересах. Так, на настойчивую просьбу ОРСа могущественного в то время КМК о передаче крепости этому предприятию для устройства здесь склада взрывчатки исполком 6 мая 1942 года ответил твёрдым отказом. С другой стороны, уже летом этого же года районные власти одобрили открытие на внутрикрепостной площадке производства извести, а вся остальная её территория, включая крепостные валы, была отдана под разбивку самодельных огородов. Потребовалось ещё два года, прежде чем твёрдые охранительные меры в отношении крепости были изложены в постановлении Сталинского горисполкома № 387 от 10 октября 1944 года. Это решение гласило:

«1. Горисполком отмечает, что каменные и кирпичные конструкции Старокузнецкой крепости, являющейся единственным памятником старины гор. Сталинска, варварски, систематически разбираются населением для личных нужд, и никакой борьбы с этим со стороны Старокузнецкого райисполкома и 6 отделения РК милиции не ведётся.

*Цветущее картофельное поле на заброшенной территории Кузнецкой крепости.
Фото 1960-х годов*

*Развалины Кузнецкой крепости.
Фото 1970-х годов*

2. Обязать начальника 6 отделения РК милиции тов. Трусова установить постоянный милицейский надзор за сохранностью крепости.

3. Лиц, виновных в разборке крепости, привлекать к уголовной ответственности как за расхищение исторических ценностей».

Несмотря на принимаемые меры, было очевидно, что подобные репрессивные акции могли дать только временный эффект. Для комплексного решения проблемы необходимо было, прежде всего, передать памятник на ответственное хранение какой-либо конкретной организации (предприятию, учреждению). Наиболее логичным представлялась передача исторического памятника в управление краеведческому музею, что и было сделано в 1947 году. С одной стороны, для музея такое решение стало большой удачей и победой, значительным шагом в деле создания условий для сохранения этого крупнейшего историко-архитектурного памятника Кузнецкого края. С другой – на музей,

испытывавший в эти годы большие проблемы с собственным местонахождением (до 1949 года он на птичьих правах занимал небольшое помещение по ул. Кирова, 7, арендуя площадь у книжного магазина), это легло тяжкой обузой. Тем не менее руководство музея предпринимает конкретные шаги для разрешения «крепостного вопроса». Для начала соорудили на крепости караульный домик и поселили в нём двух сторожей, заключив с ними соответствующий договор сроком на 10 лет.

Как оказалось, само по себе наличие сторожей не решало проблемы. Уже ближайшие события поставили под сомнение эффективность данной меры. Так, в августе 1948 года местные власти с нескрываемым удивлением и не меньшим негодованием обнаружили, что на территории Кузнецкой крепости воздвигнуто сооружение, которое при ближайшем рассмотрении оказалось жилым домом некоего гражданина М.Т. Чистякова. Решение Кузнецкого райисполкома было суровым и

незамедлительным: дом конфисковать, а застройщика за незаконное самовольство и «расхищение государственного имущества (кирпич с крепости) привлечь к судебной ответственности по статье 90 Уголовного кодекса». Здесь же указывалось, что «переданная крепость краеведческому музею не восстанавливается, а, наоборот, расхищается и уничтожается». Подписал это решение председатель Кузнецкого РИКа товарищ... Чистяков.

Несмотря на немалую долю курьёзности этого эпизода (налицо плохо скрываема родственная «разборка»), он весьма характерен для всей ситуации, которая сложилась в середине 1940-х – середине 1950-х годов вокруг Кузнецкой крепости. С одной стороны, в послевоенные годы окончательно утвердилось мнение о крепости как об уникальном памятнике истории города (в эти годы её начинают систематически посещать экскурсионные и туристические группы; визуальным символом старого Кузнецка всё чаще становится тот или иной ракурс каменной крепости). С другой стороны, действенных мер по музеефикации и реставрации памятника в это время так и не проводится.

Краеведческий музей берёт инициативу в свои руки. В июле, а затем в сентябре 1956 года заместитель директора музея Д.Д. Белошицкий направляет в Сталинский горисполком и горком КПСС, Министерство культуры РСФСР, а также в редакцию областной газеты «Комсомолец Кузбасса» предложения «восстановить Кузнецкую крепость для культурных потребностей трудящихся города». Констатируя всё продолжающийся процесс разрушения крепости, от лица всего музейного сообщества он изложил программу по её восстановлению. В этом документе были обозначены такие принципиально важные моменты, как:

1. Реставрация Кузнецкой крепости (с восстановлением её строений) по состоянию на 1846 год.
2. Приспособление отреставрированных крепостных сооружений под тот или иной социально-культурный объект (санаторий, дом отдыха, пионерский лагерь и т.д.).
3. Финансовые затраты на эти мероприятия должны быть возложены на крупные промышленные предприятия (КМК, алюминиевый и ферросплавный заводы) с тем, чтобы в дальнейшем они имели возможность разместить здесь своих трудящихся и их детей.

Нетрудно заметить, что ещё почти четверть века назад Н.Н. Балашов предлагал схожую схему вос-

становления крепости, но лишь теперь появилась реальная надежда на воплощение этих замыслов в жизнь. Это было связано как с активной позицией в этом вопросе директора краеведческого музея П.В. Кононовой, так и с весьма заметной благоприятной тенденцией перехода вопросов культуры в приоритетные направления городской политики (так, в 1955 году, после долгих лет скитаний и временок, музей получает в постоянное пользование просторное помещение на первом этаже нового 5-этажного дома по ул. Школьной, 24). Все эти положительные факторы привели к тому, что 15 сентября 1959 года Сталинский горисполком принимает долгожданное (для всех, кому была небезразлична судьба памятника) решение передать Кузнецкую крепость краеведческому музею, провести её реставрацию с восстановлением ряда исторических объектов и открыть на её территории филиал музея.

Это было серьёзное достижение в деле сохранения Кузнецкой крепости. Более того, вопрос о её музеефикации получил своё практическое выражение. В качестве подкрепления проводимых мероприятий в это время как раз подоспело постановление Совета министров РСФСР за № 1327 от 30 августа 1960 года о признании Кузнецкой крепости памятником республиканского (по современной терминологии – федерального) значения.

В соответствии с решением горисполкома застройщиком крепости выступал краеведческий музей, а проектное задание на её реставрацию получил институт «Кузбассгорпроект». В отличие от полного восстановления, за которое ратовал Д.Д. Белошицкий, проектное задание предусматривало воссоздание лишь некоторых объектов 1846 года: штаб-офицерского дома и казармы на валу (для размещения филиала краеведческого музея), гауптвахты (для размещения квартиры сторожа), реставрацию крепостных стен и земляных валов, а также возведение надвратной церкви, которую ошибочно посчитали современной 1846 году (на самом деле Ильинская церковь построена гораздо позже). Эта ошибка не случайна. Материалы, имевшиеся в распоряжении архитекторов (автор проекта – Телегин, главный архитектор – Горшенев), были весьма скудны. Основой для реконструкции крепостных сооружений послужили не подлинные чертежи (которые хранились в Москве, в Центральном военно-историческом архиве, ныне РГВИА), а имевшийся в музее... макет Кузнецкой крепости, изготовленный в своё вре-

мя К.А. Евреиновым. Этот прекрасный с художественной точки зрения экспонат, отражающий состояние крепости на 1846 год, имел определённые исторические анахронизмы, включая расположение Ильинской церкви на месте существующей ещё на тот момент подзорной башни.

Несмотря на определённые минусы и недочёты проекта, осуществившись на деле в то время эти грандиозные планы, они сыграли бы свою решающую роль в деле сохранения и музеефикации крупнейшего городского историко-архитектурного памятника. К сожалению, как это нередко бывает, сложный вопрос о финансировании проекта так и не получил своего положительного разрешения. После 1961 года все работы по проекту были приостановлены, а затем окончательно свёрнуты.

На протяжении последующей четверти века серьёзных попыток по сохранению и реставрации крепости не предпринималось. Памятник остался без какой-либо охраны, предоставленный, как и в старые «добрые» времена, сам себе. Единственный положительный момент – в связи со значительным сокращением частного сектора Кузнецкого района проблема выламывания крепостного камня на «строительно-хозяйственные нужды» потеряла свою болезненную актуальность.

Новый этап возрождения крепости связан с попыткой создания историко-мемориальной зоны в Кузнецком районе, впервые выдвинутой на повестку дня решением Новокузнецкого исполкома 19 июня 1985 года. И хотя практическое создание самой исторической зоны затянулось вплоть до начала XXI века, вопрос о будущем крепости получил своё чёткое разрешение в постановлении за № 597 Новокузнецкого горсовета от 28 ноября 1991 года:

«В связи с выделением музейной сети отделу культуры исполкома, исполком городского совета народных депутатов решил:

1. Открыть историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость» с размещением на территории памятника истории и культуры республиканского значения Кузнецкой крепости».

Таким образом, с этого времени судьба древней крепости оказалась самым тесным образом связана с вновь создаваемым самостоятельным музеем. Это решение стало победой в борьбе за сохранение Кузнецкой крепости, в деле её музеефикации. Победой важной, но не окончательной. Последующие события в полной мере оказались наполнены неожиданными коллизиями и драматическими решениями.

МОЖАЙСКАЯ ИКОНА НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА

В 2003 году в фондах музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета обнаружена священная реликвия Кузнецка. Согласно сопровождающей записи в книге поступлений музея икона ранее размещалась над воротами Кузнецкого острога, а передала ее в музей ТГУ в 1927 г. жительница Кузнецка. Икона посвящена святому Николаю Можайскому и изготовлена в традициях деревянной скульптуры Русского севера XVII века.

Предприниматели города вознамерились вернуть икону на историческую родину. Особенно это актуально в рамках подготовки к празднованию 400-летия Кузнецка. Однако согласно законодательству, касающемуся музейной деятельности, вернуть икону навсегда нельзя – она принадлежит музею археологии и этнографии Сибири ТГУ. Возможно, стараниями Союза предпринимателей Новокузнецка горожане увидят икону во время юбилейных празднований. Но икона в очень плохом состоянии и требует серьёзной реставрации. Понятно, что новокузнецчане и сами заинтересованы в этой реставрации, так как, где бы икона ни находилась, это прежде всего историческая и духовная святыня нашего города.